

ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

A SIGHT FROM THE OUTSIDE

УДК 801.6

РУССКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ ГЛАЗАМИ ЭСТОНЦА

© **Каспер Калле** (2022), поэт, писатель, независимый исследователь (Таллин, Эстония), kkgohar@gmail.com

Статья представляет собой сравнительное описание двух систем стихосложения: русской (преимущественно силлабо-тонической) и эстонской, в которой, наряду с традиционной силлабикой, силлабо-тоникой и тоникой, широко распространена квантитативная метрика. Описание при этом ведется не через призму сугубо стиховедческих штудий, а посредством экспликации личного поэтического опыта автора, одинаково успешно создающего стихотворения как на русском, так и на эстонском языках. В результате своеобразного автометаописания, сочетающегося с наблюдениями над лучшими образцами русской классической лирики, древней и новой европейской поэзии, эстонского устного и письменного поэтического творчества, автор статьи приходит к ряду ценных выводов как практического, так и общетеоретического характера (необходимость преодоления господства в русской поэзии «рифменного» художественного мышления, негативная роль формальных грамматических средств, позволяющих даже не обладающему подлинным талантом поэту с относительной легкостью соблюдать критерии, накладываемые силлабо-метрической организацией стиха, существование взаимозависимости между богатством лексического фонда и способов словообразования того или иного языка и степенью усложненности поэтической техники, обусловленность национальных систем стихосложения фонетическими особенностями соответствующего языка, разграничение «поэзии» и «поэтичности»). Эти выводы, с одной стороны, имеют важное значение для сравнительного стиховедения во всех его разделах (метрика, ритмика, фоника), а с другой – принесут несомненную пользу всем тем, кто заинтересован в развитии как русской, так и эстонской поэзии, в освоении ими новых поэтических форм, в их художественном взаимообогащении.

Ключевые слова: русское стихосложение, эстонское стихосложение, рифма, верлибр, поэтичность.

Когда в поэтических изысканиях я перешел с эстонского на русский, то быстро понял, что на нем очень просто сочинять стихи, строки словно сами текут, только запоминай. На эстонском все иначе, писать рифмованные стихи трудно, прямо-таки мучение, поэтому

50

почти никто и не пишет, все сочиняют верлибры. Я же люблю форму. Вот и издал за долгие годы лишь пять крохотных сборников стихов, притом один из них – не рифмованный, однако тоже с «формой»; ну и еще один лежит в ящике, как «замогильный».

Так в чем же дело, почему на эстонском трудно писать рифмованные стихи? Главная причина – мало рифм. Словарный запас эстонского языка далеко не такой богатый, как в русском, к тому же мешают принцип эстонского словообразования – слитные слова. То есть, соединяют два известных ранее слова, получают новое, а новая рифма не появляется, окончание-то прежнее! А я, в отличие от многих коллег, не могу не обращать внимания на рифму, мне важно, чтобы хоть одна совсем свеженькая в стихотворении была; не говоря о том, что банальных не терплю. Когда Гоар¹ заболела и я, чтобы спастись от бессонницы, начал снова писать стихи (в промежутке был перерыв в двадцать лет), я все перебирал и перебирал в голове слова, ища новые рифмы, и наконец открыл, что называется, «продуктивный» метод: глаголы в прошедшем времени от третьего лица давали множество рифм с существительными. Эксплуатировал я этот прием для создания нескольких сборников, потом он себя исчерпал. И я перестал писать стихи.

А потом возникла необходимость написать стихотворение по-русски: надо было ответить на стихотворение одного известного русского поэта, которое меня задело. Я написал, и почувствовал в ходе сочинения какую-то удивительную свободу. И вскоре после этого, в один особенно противный ноябрьский вечер, когда жить ну совсем не хотелось, вспомнил об этом опыте и подумал: а почему бы мне не попробовать и далее сочинять стихи на русском, тем более что опыт прозаический у меня уже был? И за несколько месяцев написал свой первый сборник.

В чем легкость стихосложения на русском? Понятно, что словарный запас русского языка огромен, а поэтому много и рифм; правда, найти «девственные» не так просто, ибо и стихов написано неимоверное количество, но тем не менее выбор большой. Еще важнее – относительно свободный порядок слов. На эстонском мне чуть ли не в каждом стихотворении приходилось обращаться за помощью

¹ Поэтесса и писательница Гоар Маркосян-Каспер.

к инверсии², а на русском и без нее можно покрутить строчку и так, и этак, пока не найдешь правильный порядок с нужной рифмой. Удобно также, что ударение на русском – скользящее, в то время как на эстонском во всех словах, кроме заимствованных, оно стоит на первом слоге.

Ко всему прочему в русском языке есть немало «финтов», при помощи которых можно впихнуть строчку в нужный размер: тут и «или»-«иль», и «ой»-«ою», и «отчаяние»-«отчаянье» (и множество других словесных пар такого рода). Я сперва боялся пользоваться такими приемами, думал, что так «нечестно», но потом обнаружил, что ими не брезгают даже очень известные поэты, и махнул рукой.

И вот после всего вышесказанного позволю себе утверждать, что такая легкость обманчива. Ни рифма, ни общеупотребительные размеры не есть основа поэзии, хотя так считают тысячи и тысячи русских авторов, которые пишут (а ныне и публикуют) десятки (а возможно, и сотни) тысяч стихотворений в год. Рифмованное стихотворение, ямбическое или хореическое, – это лишь одна поэтическая форма, а за время существования европейской цивилизации возникло немало других.

Скажу больше: именно из-за легкости написания рифмованных стихов русская поэзия в каком-то смысле зашла в тупик – не только потому, что рифмы начинают иссякать, есть более важная причина: рифма отняла у поэзии поэтичность. Еще с давних пор, начиная с Пушкина, основой русской поэзии стал *разговор с читателем*. Поэзия «по-русски» – это мысли, ощущения, представления и пр., которыми поэт делится напрямую, не оформляя их поэтически, а всего лишь нанизывая на рифмованную строку. Возможно, именно поэтому в русской поэзии поэт важнее своих стихов. Предметом исследования становится он, а не его творчество, о его жизни литературоведы слагают легенды, нередко создают даже его культ – и вся эта «шелуха» оставляет в тени сами сочинения, из которых, кстати, для «общенародного пользования» частенько отбираются самые будничные, а по-настоящему поэтичные остаются в стороне. Особенно страдают стихи, написанные в нерифмованной форме. Наглядный пример представляет творчество Афанасия Фета, чье весьма про-

²Об особенностях эстонского стихосложения в целом см.: Пыльдямя 1978.

стенякое «Я пришел к тебе с приветом...» знают все, кто ходил в школу, а прекрасное «Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи всеильны...» ценят немногие.

Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи
всесильны...

Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покаясь богине, –
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурою уст, с вольным размером
любви [Фет 1959, 207].

Какие прекрасные образы: «...рифмы взаимных лобзаний, / С нежной цезурою уст, с вольным размером любви»!

Образ! Он основа поэзии, а не рифма. Нет образов – нет поэзии. Но для того, чтобы они возникли, нужно особо поэтическое чувство. Если вчерне, то в нем и кроется талант поэта.

Что такое поэтическое чувство, я определить не берусь, оно понятие интуитивное, собственно, и не понятие вовсе. Но приведу пример из французской поэзии, в которой это чувство неплохо развито:

TRISTAN KLINGSOR (1874–1966).

МЕССИР ДЕ КОКЛИКОКИБЮС

Улитка луне показала рожки.
Заплакали феи в серебряной роще,
А также мессир де Кокликокибюс.

А карлик всё видел, стоял у донжона.
Сейчас тронет струны и деву разбудит,
И лестницу бросит она с балкона.

Был ротик чудесен, а грудь так нежна...
Как яблочко, зрела вокруг тишина.

Из шёлка лесенка или из льна.

А в роще звенят златокудрые феи,
Танцуют в веночках они из шалфея,
Улитка луне показала рожки,
А также мессир де Кокликокибюс.
(перевод Татьяны Сигаловой)

Нет в этом стихотворении никаких глубоких мыслей, нет «общения» с читателем, никто не рвет на себе рубашку, не обращается ни к Богу, ни к Дьяволу (и даже не к Афродите) – но поэзия как таковая есть?

Есть.

Один из недостатков рифмованного стихотворения общеизвестен: суть его в том, что многие слова появляются в стихотворении «ради рифмы». Но гораздо больший недостаток – это необязательность поэтичности при наличии рифмы. «Рифма есть – ума не надо», – можно сказать по этому поводу. Древние не знали рифмы, и тем не менее в их стихах поэзии намного больше, чем в подавляющем большинстве рифмованных стихотворений.

«Невинность моя, невинность моя,
куда от меня уходишь?»
«Теперь никогда, теперь никогда
к тебе не вернусь обратно!»
[Эллинские поэты, 258]
(Перевод В. Вересаева)

В этом коротком стихотворении в высшей степени поэтично выражено одно из главных чувств женщины. Можно даже сказать, что после Сапфо эта тема «закрыта»: лучше не напишет никто.

Образ-идея, высший вид поэтического образа, отчетливо виден в этом стихотворении. Достаточно было зафиксировать состояние и передать его предельно точными словами, как возникло бессмертное произведение искусства.

Иногда даже у именитых авторов появляются произведения, мало общего имеющие с поэзией. Если бы внимание литературоведов было обращено на тексты, они подобные, с позволения сказать,

стихи просто отмели бы; но, как было сказано выше, их больше интересует личность поэта, о котором создается миф, и поэтому «в оборот» берется все, что когда-либо вышло из-под пера того или иного автора.

После того как значение религии уменьшилось, ее место в душе многих людей заняла родная литература, поэтому, чтобы не задеть чьи-либо «религиозные чувства», примеры о «поэзии без поэтичности» приводить не буду, но, уверяю вас, их предостаточно.

Зато можно привести обратный пример:

...«Сто ганских с кашлем зябло по утрам
И, волосы расчесывая, драло
Гребенкою. Сто ганских в зеркалах
Бросало в дрожь. Сто ганских пило кофе.
А надо было богу доказать,
Что ганская одна, как он задумал...»
[Пастернак 1965, 233]

Это – поэзия, хотя тут и нет рифмы.

Таким образом, мы видим, что поэзия и рифмованные стихи, как говорится, «две большие разницы». Поэзия может обойтись без рифмы, и в то же время не всякое рифмованное стихотворение – поэзия.

В начале статьи я сказал, что сам не могу без формы. Да, это так, форма, безусловно, нужна, но не надо ее ограничивать «каким-то стопным» ямбом или хореем, формой могут служить и гекзаметр, и белый стих, и просто ритмизованный верлибр. Лучшим стихотворением русской поэзии я считаю «Смерть» Лермонтова. Не помните?

«Ласкаемый цветущими мечтами / Я тихо спал, и вдруг я пробудился. / Но пробуждение тоже было сон...»

Стихотворение длинное, не буду его приводить полностью, но вот, хотя бы несколько строк:

...И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп, – и там остался я;
Здесь кость была уже видна – здесь мясо

Кусками синее висело – жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою...
[Лермонтов 2014, 150–151]

(А ведь это задолго до Бодлера).

Что превращает сие стихотворение в высочайшую поэзию? Во-первых, сильное поэтическое чувство, во-вторых, поэтическая идея-образ: человек, который видит воочию свою смерть и, в-третьих, пластичность («Червяк то выползал из впадин глаз,/ То вновь скрывался в безобразный череп...»).

А то, что рифмы нет, – кому она нужна? Стал бы автор подыскивать рифму для своих строк – и, можете быть уверены, пропали бы и пластичность, и образность, потому что **невозможно писать рифмованные стихи только теми словами, которые наиболее точно подходят для выражения возникшей поэтической идеи.**

Мне, наверное, надо объяснить, как я пришел к пониманию всего этого, – через собственные неудачи. После того, как я перешел на русский, стихи начали литься из меня потоком. У меня же был и жизненный, и поэтический опыт, то есть было о чем писать, имелось и знание того, как писать, надо было только привыкнуть к новому языку. И я все писал и писал. Относительно первого сборника мне было сделано замечание, что в нем «мало воздуха», то есть стихов «необязательных», без «идеи». Так я взял и для второго сборника написал несколько циклов «из ничего»: в условиях русского языка, это не представляло особого труда (кое-что из этих стихов даже опубликовано во вполне солидном журнале). Тем не менее меня не покидало чувство, что сочиненное мною на самом деле не поэзия. Я стал обдумывать ситуацию и понял, что попался на тот же крючок, что и русские поэты: выражаю мысли, и единственный признак, по которому их можно считать стихами, – рифма.

Но писать верлибром я не в состоянии, это слишком трудно.

И тут я вспомнил про эстонский язык и эстонскую поэзию.

В начале этой статьи я говорил, что русский язык в сравнении с эстонским имеет множество преимуществ, но есть у него и один существенный недостаток. Интуитивно я это понял еще тогда, когда впервые увидел свои эстонские стихи в русском переводе. Это были очень хорошие переводы, поэтическая мысль была донесена в подавляющем большинстве случаев абсолютно точно, местами даже с более богатой лексикой, чем в оригинале, и все-таки я чувствовал, что чего-то в них не хватает. Позже, поразмыслив на досуге, я понял, в чем дело: эстонский язык лучше звучит. В нем много вокалов, и коротких, и длинных, есть даже дифтонги – и нет шипящих! То есть если в русской поэзии достаточно рифмы, чтобы создать иллюзию поэзии, то в эстонском частенько хватает одного звучания. В нашем фольклоре много примеров аллитерации: слова подобраны на основе звукосочетания.

Вот, хотя бы:

Ma tegin toa tuule peale,
maja marjavarre peale,
sauna saareoksa peale...

(«Я сделал комнату на ветру, дом на стебельке ягодки, баню на ветке ясеня...»)

Бывает, и в «художественных» стихах пользуются этим же приемом – получается белиберда, естественно. Однако, если не поддаваться искушению, не создавать стихотворение на основе только лишь звучания, а следить и за смыслом, то результат может быть очень даже неплохим; во всяком случае, звучать стихотворение будет лучше, чем русский стих.

Добиться красивого звучания в русской поэзии можно, но это требует усилий – не меньших, чем в эстонской поэзии поиск рифм. Как именно происходит этот процесс – одна из тех маленьких тайн, которыми можно и поделиться, но толку от этого не будет, ибо мерило тут одно – чувство прекрасного.

И вот, желая хотя бы отчасти ввести «эстонское звучание» в русскую поэзию, я проделал эксперимент: взял и написал целый сборник (правда, небольшой) стихов на русском без единого шипя-

щего. Сказать, что это далось мне легко, было бы неверно, однако оказалось вполне осуществимо. Главная трудность заключалась в том, что нельзя было пользоваться такими будто бы очень нужными словами, как «что» или «чтобы», зато автоматически отпадали разные «затасканные» слова, например, «душа» и «жизнь».

Что из этого получилось, не мне судить.

Таким образом, мы пришли к тому, с чего начали. Легкость русского стихосложения обманчива, на самом деле писать стихи на русском – как на любом языке – очень трудно. Кроме образности, требуется еще мелодика (из всех искусств поэзия ближе всего к музыке). То есть поэтическая мысль должна подвергаться художественной обработке.

По идее, так и должно быть. Стихотворение – это ведь не просто стихотворение, это – произведение искусства. А искусство не может родиться без усилий.

Понятно, что большинству тех, кто пишет стихи, создать художественное произведение не по силам. Если бы им предложили написать фортепианный концерт, они начали бы отбрыкиваться: «Как! Я не умею!» А стихи писать, им кажется, они умеют (парадоксальное последствие всеобщей грамотности).

И тут мы можем, наконец, объяснить, почему русские стихи пишутся почти исключительно с рифмой. Рифма удобна, когда не слишком одаренному поэту нужно скрыть свою художественную несостоятельность. «Надел» на стихотворение рифму – и получилась «поэзия».

Правда, сейчас стали писать и верлибры, но в этом типе стихосложения, буду откровенен, достижений еще меньше. Верлибр, как я сказал выше, очень трудная форма, он требует, кроме поэтического чувства и ярчайших образов, еще и отменного чувства ритма. Если рифмой поэт прикрывает свои недостатки, то в верлибре это сделать невозможно, там ты «гол, как сокол». Нужна очень сильная поэтическая личность, чтобы писать верлибры, а таких почти нет (я знаю лишь одну).

Поэтому пишущие рифмованную поэзию поэты снисходительно называют верлибры «ритмизованной прозой», и называют, в общем-то, справедливо. Однако, если посмотреть на то, что они сами пишут, то это, большей частью, «рифмованная проза».

Поэзия начинается не с рифмы, и даже не с мысли и чувств, она начинается с проявляющегося и в образах, и в мелодике поэтического мироощущения, возникающего из внутреннего чувства прекрасного. Если такое мироощущение есть, если есть чувство прекрасного, можно писать стихи в любой форме, а если его нет – лучше стихов не писать вовсе.

Источники

Лермонтов 2014 – Лермонтов М.Ю. *Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения*. СПб., 2014.

Пастернак 1965 – Пастернак Б.Л. *Стихотворения и поэмы*. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). М.–Л., 1965.

Фет 1959 – Фет А.А. *Полное собрание стихотворений*. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). Л., 1959.

Эллинские поэты – *Эллинские поэты в переводах В.В. Вересаева*. М., 1963.

Литература

Пыльдяэ 1978 – Пыльдяэ Я.Р. *Эстонское стихосложение*. Таллин, 1978.

RUSSIAN POETRY THROUGH THE EYES OF AN ESTONIAN

© **Kasper Kalle** (2022), poet, writer, independent researcher (Tallinn, Estonia), kkgohar@gmail.com

This article is a comparative description of two systems of verse: Russian (syllabo-tonic) and Estonian, in which quantitative metrics along with traditional syllabic, syllabo-tonic and tonic are widely used. The description is not done through the prism of purely verse studies but by explicating the personal poetic experience of the author, who is equally successful in creating poems in both Russian and Estonian. Through a kind of autodescription combined with observations upon the best samples of Russian classical poetry, ancient and new European poetry, Estonian oral and written poetics the author comes to a number of valuable conclusions of both practical and theoretical nature (the necessity of overcoming the predominance of "rhyme" mode of thinking in Russian poetry the negative role of formal grammar means which allow even a poet without any real talent to create poetry with relative ease). On the one hand, these findings are of importance for comparative poetry in all its branches (metrics, rhythmic, phonics) and on the other hand are of undoubted benefit for all those

interested in the development of both Russian and Estonian poetry in their exploration of new poetic forms and in their mutual enrichment artistically.

Keywords: Russian versification, Estonian versification, rhyme, vers libre, poeticity.

References

(Monographs)

Пыльдмяэ 1978 – Pyl'dmyae Ya.R. *Estonskoye stikhslozheniye* [Estonian poetry]. Tallin, 1978. (In Russian).

Поступила в редакцию 30.06.2022